

24-65

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

И.Ш. Шифман

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В СИРИИ В I-III вв. н.э.

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 1971

Работа выполнена в Институте Востоковедения АН СССР

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук Г.Л. Курбатов,
доктор исторических наук В.И. Кузищин,
доктор исторических наук И.С.Кацнельсон

Внешний отзыв научного учреждения - Институт Всеобщей истории АН СССР (Москва).

Автореферат разослан "___" _____ 1971 г.

Защита диссертации состоится "___" _____
на заседании Ученого совета Института востоковедения
АН СССР (Москва, Центр, Армянский пер., 2).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института.

Ученый секретарь
Института востоковедения
АН СССР

В В Е Д Е Н И Е

Одна из важнейших задач современного антиковедения и, в особенности, советской исторической науки заключается в изучении социально-экономической и политической истории стран средиземноморского бассейна в эпоху принципата, процесса перехода от принципата к доминату, что позволит, в конечном итоге, глубже понять закономерности перехода от античного рабовладельческого общества к средневековому феодальному. Исследование социально-экономического развития Империи в I-III вв. н.э. позволило охарактеризовать этот период как время экономического расцвета городов, роста крупного, в том числе и внеполисного, землевладения, интенсивного развития сельскохозяйственного и ремесленного производства, укрепления торговых связей между различными областями средиземноморского мира и одновременно как период резкой социальной дифференциации общества. Что же касается политической надстройки, то интересующий нас отрезок времени рассматривается как период, когда произошел переход от монархии, при которой сохранялась видимость республиканской организации, к монархии в собственном смысле слова, не замаскированной какими-либо республиканскими институтами. В связи с этим указывают на постепенную бюрократизацию государственного аппарата, на переход к структуре, приближающейся к централизованному территориальному государству; неоднократно говорится и о подавлении самостоятельности городов. Возникает, однако, вопрос: до какой степени всеобщими (в рамках Империи) были указанные выше

явления и процессы, в чем нашли свое выражение объективные тенденции социально-экономического и политического развития общества. Ответить на этот вопрос можно только на основе предварительного изучения провинций, которое, как справедливо подчеркивал еще в 1954 г. О.В.Кудрявцев, позволит выявить то общее, что было свойственно всему Средиземноморью, и то особенное, что характеризовало жизнь отдельных стран и регионов интересующего нас периода¹.

Монографические исследования и многочисленные статьи, посвященные западным провинциям Римской империи и, в особенности, специальная монография Е.М.Штаерман², позволили по-новому определить направление развития всего этого региона, причины и характер общественных движений второй половины II – III вв. н.э. Основными симптомами кризиса Е.М.Штаерман считает падение производительности труда в большинстве провинций, разорение городских землевладельцев, концентрацию земли в руках крупных собственников и, как следствие, упадок города как политической и экономической организации, развитие вольноотпущенничества и колониата, рост сопротивления рабов угнетению и эксплуатации, изменение их положения в семье и обществе. Она констатирует развитие крупного латифундиального землевладения и возникновение в рамках латифундий зависимого населения. К началу III в. обострились противоречия между крупными собственниками и муниципальными землевладельцами; той и другой группе эксплуататоров противостояли эксплуатируемые трудящиеся (рабы и свободные), которые принимали в классовой борьбе все более активное участие. Результатом кризи-

¹ О.В. Кудрявцев. Эллинические провинции Балканского полуострова во втором веке нашей эры. М., 1954, стр. 5–6.

² Е.М.Штаерман. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. Более поздние работы А.Альфелди и М.Ремондона не внесли, по существу, ничего принципиально нового в изучение данной проблемы.

са было укрепление власти крупных собственников над колонатами и формирование класса-сословия зависимых землевладельцев при одновременном разложении класса рабов, экономической эмансипации части их и порабощения некоторых групп свободного населения.

Начало систематического изучения восточных провинций положила в советской историографии монография А.Б.Рановича³, который отметил заинтересованность господствующего класса провинций в создании Империи, нивелирующую роль последней и, в этой связи, разрушение древневосточных и первобытнообщинных отношений. Хотя он и отмечает резкую социальную дифференциацию и жестокую эксплуатацию непосредственных производителей, а также оппозицию римскому господству, кризис второй половины II – III вв., по его мнению, слабо задел восточные провинции. Однако, судя по драматическим событиям в жизни Сирии этого времени, вывод А.Б.Рановича нельзя признать убедительным, хотя он в литературе и не оспаривался. Новый этап в изучении восточных и балканских провинций Империи был ознаменован публикацией монографий О.В.Кудрявцева⁴ и Н.В.Пигулевской⁵. О.В.Кудрявцев, характеризуя балканскую Грецию I–III вв., особо отметил обезлюдение провинций, хозяйственный упадок городов, резкую социальную дифференциацию и улучшение общественного положения рабов, отсутствие экстерриториального императорского землевладения и концентрацию земли в рамках полисной организации, жизненность муниципальной структуры и отсутствие ярко выраженного абсентеизма. Н.В.Пигулевская впервые на ближневосточном, преимущественно, месопотамском материале поставила проблему исторической преемственности от доэллинистического к эллинистическому и далее римскому пе-

³ А.Б.Ранович. Восточные провинции Римской империи в I–III вв. н.э. М.–Л., 1949.

⁴ О.В.Кудрявцев. Эллинические провинции.

⁵ Н.В.Пигулевская. Города Ирана в раннем Средневековье. М.–Л., 1956.

риодам, раскрыв взаимодействие местной и греческой городских организаций, выявив соотношение царской власти и полисной автономии.

Реферируемая работа посвящена социально-экономической истории Сирии I-III вв. н.э., которая, в общем, слабо освещена в исследовательской литературе. Монография Э.Бущье⁶ слишком описательна и устарела, а подробнейшее исследование И.Добиаши⁷, посвященное преимущественно политической истории, не завершено. Экономика сирийского общества, однако вне связей с социальной структурой и политической организацией, — тема исследования Ф.Хайхельхайма⁸. Целый ряд работ посвящен отдельным сирийским городам — Антиохии (К.О.Мюллера, Э.Бущье, Дж.Хаддада, Дж.Дауни), Пальмире (Ж.Феврие, Ж.Старки), Герасе (сборник материалов, изданный К.Крелингом), Дуре-Европос (публикации археологического материала, специальная монография М.И.Ростовцева). Значительное место занимает Сирия и в общих работах по истории Империи и римских провинций.

В изображении М.И.Ростовцева⁹ период римского господства в Сирии — время мира, однако без заметного прогресса в урбанизации страны, время постепенной концентрации земельной собственности в руках горожан — землевладельцев, прихода в господствующие слои "новых людей" и расцвета торговли. А.Б.Ранович¹⁰ вслед за М.И.Ростовцевым обращает

⁶ E.Bouchier. Syria as a Roman province. Oxford, 1916.

⁷ J.Dobiaš. Dějiny římské provincie Syrske. D.I.Praha, 1924.

⁸ F.Heichelheim. Roman Syria. — "An economic survey of Ancient Rome", ed. by T.Frank. Vol.IV, Baltimore, 1938.

⁹ M.Rostovtzeff. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926.

¹⁰ А.Б.Ранович. Восточные провинции.

внимание на экономическую разнородность и политическую раздробленность отдельных областей провинции, постепенную ликвидацию привилегированного положения "вольных" городов, концентрацию земли в руках крупных землевладельцев — императора, членов его семьи и частных лиц.

Предлагаемая работа имеет целью рассмотрение отношений собственности, форм и методов эксплуатации непосредственных производителей, социальной структуры общества, в конечном счете — попытаться установить основные тенденции развития сирийского общества в I-III вв. н.э.

Глава первая

Характеристика источников

Среди источников по истории римской Сирии могут быть выделены памятники материальной культуры и материалы, содержащие словесную информацию.

Греческие надписи, происходящие из Сирии I-III вв. (в ряде случаев — собрания документов по тому или иному вопросу), сохранили до наших дней постановления полисных властей, надписи в честь частных лиц, императорские рескрипты, а также строительные, посвятельные, надгробные и межевые тексты. Латинские надписи — разграничительные и межевые, почетные, посвятельные, надгробия; важные сведения, касающиеся Сирии, содержит *Res gestae divi Augusti*. Пальмирские надписи выполнены на арамейском языке, близком к "имперскому арамейскому"; значительная часть надписей из Пальмиры двуязычна (греко-арамейские). Среди них выделяются Пальмирский пошлинный тариф, открытый в 1882 г. С.С. Абамелек-Лазаревым, содержащий постановление совета, составленное по общегреческому образцу и собственно тариф (новый — современный постановлению и более ранний — I в. н.э.), посвятельные, строительные, надгробные тексты и подписи к почетным статуям. Сирийские надписи крайне немногочисленны. Nabateyские надписи выполнены на одном из диалектов арамейского языка (подверг-

негося заметной арабизации); это — посвятительные, надгробные, строительные, подписи к почетным статуям, близкие по структуре к палмироким.

Значительная группа деловых документов, позволяющих осветить некоторые стороны социально-экономической жизни Сирии I—III вв., обнаружена в Дуре-Европос (главным образом, на греческом языке): фрагмент закона о наследовании, реестры деловых документов, акты о сделках. Особое место среди них занимает акт на сирийском языке о продаже рабыни, происходящей из Эдессы. Так называемый архив Бабаты, известный пока почти исключительно по информационным статьям И.Иадина и Х.Полоцкого (документы о закладе, купле-продаже, дарении имущества, цензовая декларация и т.д.) позволяет осветить общественную и хозяйственную жизнь позднего Nabateyского царства и ранней провинции Аравии.

Важный материал для ретроспективной характеристики некоторых тенденций развития сирийского общества содержит Сирийский судебник V века, отражающий, как показал Р.Таубенляг, право римской Сирии (смешение римского провинциального права с многочисленными элементами местного "на-родного" права).

Среди нарративных источников I—III вв. н.э. должны быть отмечены, прежде всего, описания Сирии у Страбона, восходящие, по-видимому, к Посейдонию и Артемидору, и Плиния Старшего, использовавшего труды Муциана и Корбулона. Повседневная жизнь сирийского общества нашла свое отражение в сочинениях Дукиана. У ряда авторов мы находим попутные замечания о политических событиях на территории Сирии и отдельных сторонах ее жизни (Иосиф Флавий, использовавший "Всемирную историю" Николая Дамасского и исторический труд Страбона; Юлий Цезарь, Юстин, Тацит). О крушении государства Селевкидов и установлении римского государства повествует Аппиан. Политическую борьбу в Сирии во второй половине II — III вв. н.э. освещают *Scriptores historiae Augustae* и Геродиан. Важные сведения по истории Сирии интересующего нас времени сохранил и Дион Кассий.

Большой материал, относящийся к социально-экономической и политической истории Сирии I—III вв., дошел до нас и в сочинениях более поздних писателей — Либания, Иовенна Малаля, Стефана Византийского и в лексикографическом сочинении "Суда".

В целом античная и восходящая к ней поздняя византийская традиция воспроизводит материал историографии интересующего нас времени (в ряде случаев с некоторыми искажениями и неточностями); с учетом сказанного она может служить надежным источником по интересующей нас проблематике.

Особую группу источников составляют монеты и археологические материалы из Пальмиры, Антиохии, Дуре-Европос, Гера-сы.

Глава вторая

Сирия накануне римского завоевания

Накануне римского завоевания Сирия была страной с давними и прочными традициями эллинистической государственности. На ее территории отчетливо выделялись полисные округа и собственно царская область.

Значительная часть сирийских городов естественно сложилась в глубокой древности до греко-македонского завоевания (финикийские города средиземноморского побережья, Пальмира, Дамаск). Интенсивная греко-македонская колонизация в конце IV в. до н.э. имела своим последствием создание целого ряда греческих городов в собственно Сирии и Заиорданье (Антигония и позже Антиохия, Селевкия Пиерия, Апамя, Лаодикея, Дуре-Европос, Берэя, Пелла, Дион, Гера-са и другие города Десятиградия). Причиной бурной греческой колонизации явился социальный кризис IV века до н.э., который вызвал стремление на Восток, на неосвоенные, с точки зрения греков, территории. Она была выгодна эллинистическим царям, избавляя царский аппарат от взимания налогов и, что кажется наиболее существенным, создавая социальную опору царской власти на данной территории. Не-

которые греко-македонские колонии возникли на местах, где ранее находились города и поселения коренных обитателей страны (Антиохия, Апамея, Лаодикея, Берей). По-видимому, местные жители не входили в гражданский коллектив и лишились своих земель.

Сведения о земельных отношениях на территории эллинистического города крайне недостаточны, однако они показывают, что здесь безраздельно господствовала частная собственность. Полисные власти охраняли ее неприкосновенность и ненарушимость. Сирийские города, несомненно, были и важными центрами ремесла и торговли. Они поддерживали связи с важнейшими рынками эллинистического периода, прежде всего, с Делосом. На Делосе находились сообщества беритских посейдонов и тирян — поклонников Геракла (последние основывают свой храм также и в Афинах). До нас дошли многочисленные декреты делосских властей в честь выходцев из Сирии с предоставлением им права приобретать дома и земли. Выходцев из Сирии мы находим среди делосских эфетов. Селевкидская администрация покровительствовала развитию торговли с Делосом. Прочные контакты существовали у сирийцев с Афинами, а также (восходящие к далекому доэллинистическому прошлому) с Египтом.

Судя по имеющимся в нашем распоряжении отрывочным данным, в сирийских городах эллинистического времени функционировали народные собрания, а также советы (в Лаодикее совет обозначался старинным македонским термином *пелитаны*) и магистраты (в источниках упоминаются *архонты*). В городах местного происхождения уже в III в. до н.э. произошла эллинизация административного аппарата.

Взаимоотношения между городами и царской администрацией не были стабильными. Вне зависимости от того, что правовой статус городов устанавливался царем, они вели себя как суверенные политические организмы и признавались таковыми; города считались союзниками царя, и взаимоотношения между городами и царем строились по образцу дипломатических между двумя самостоятельными контрагентами; царь не мог прямо вмешаться в жизнь полиса, ограничиваясь

советами и благопожеланиями. Власть царя над городом находила свое внешнее выражение в том, что в городах находился эписат — царский наместник (правда, участие царского наместника в действиях полисных властей не было обязательным), и, кроме того, царь взимал с городов налоги и разного рода повинности. Эта система, являющаяся логическим развитием той ситуации, которая существовала на Ближнем Востоке в доэллинистический период, может быть охарактеризована как система двойного суверенитета: суверенитета города как формально самостоятельного политического организма и навязываемого сверху суверенитета царской власти над городом.

На царских землях наряду с массивами, находившимися в собственности царя, имелись фонды, находившиеся в собственности частных лиц. Последние возникали либо путем продажи (в том числе и фиктивной) царской земли, либо в результате пожалования. В пределах царских земель существовало и храмовое землевладение. Одновременно с этим на царских землях было распространено и владение землей, обусловленное несением военной службы или иными обязательствами. Однако уже в IV в. до н.э. клеры могли превращаться в объекты сделок; наблюдается, следовательно, тенденция к их превращению в собственность частных лиц. Однако собственность частных лиц на царских землях была ограничена тем, что она возникала и могла быть ликвидирована по царскому произволу; земли, ранее принадлежавшие одному лицу, царь мог передать другому и т.д. В конечном счете ситуация, складывавшаяся здесь, может быть определена как разделенная собственность: верховная — царя и подчиненная — частного лица.

Та категория населения, которая в источниках обозначается термином "люди" или "царские люди", — это люди, находившиеся непосредственно под царской властью и населявшие царские земли. К этому сословию могли принадлежать как свободные, так и лично зависимые; только последние могли служить объектом сделок.

Глава третья

Организация римской провинции на территории Сирии

Римской провинцией Сирия стала в условиях, когда Селевкидская держава практически перестала существовать, хотя еще имелись и даже соперничали между собой претенденты на царскую власть, а отдельные ее политические образования, в том числе и крупные полисы, приобрели политическую самостоятельность, кое-где возникли местные тираннии и небольшие царства. В этой ситуации обнаружилась тяга к сильной власти; сложились группировки, из коих одна стремилась присоединить Сирию к Понтийскому царству, а другая — к государству Птолемеев. Однако в конце концов страну захватил армянский царь Тигран II, которого поддерживали города континентальной Сирии, заинтересованные в торговых связях с Месопотамией.

В 69 г. до н.э., после победы Лукулла над Тиграном II, последний автоматически перестал быть властителем Сирии и была сделана попытка возродить государство Селевкидов. Царской властью оказывается облечен Антиох XIII Азиатский. Однако Помпей отменил все мероприятия Лукулла, и, не признавая притязаний Антиоха XIII, объявил Сирию римской провинцией.

В период Гражданских войн борьба между различными претендентами на власть приводила к тому, что налоги взимались в римской Сирии без какой-бы то ни было системы и в огромных размерах; изменения политической ситуации приводили к ограблению полисов под предлогом их "наказания" за ту или иную позицию в предшествующий момент; парфянские вторжения способствовали разорению страны. Враждебные отношения с Парфией затрудняли торговлю с Месопотамией.

В период войны между Цезарем и Помпеем Сирия была на стороне последнего; после битвы при Фарсале она, естественно, стала цезарианской. Однако и в последние годы цезарианской диктатуры Сирия была ареной выступления помпейцев (движение Кв. Цецилия Басса), а после гибели Цезаря

— одной из важнейших баз антицезарианского движения. Тем не менее, большинство сирийских городов старалось соблюдать нейтралитет, а Лаодикея обнаруживала явное сочувствие цезарианцам. Битва при Филиппах имела для Сирии ближайшим последствием увеличение налогового бремени и изменение политических режимов — в частности, устранение ставленников Кассия.

Победа Октавиана и установление режима принципата привели в Сирии к созданию статуса императорской провинции. Император, располагавший здесь собственным аппаратом управления во главе с легатом в ранге пропретора, выступал как продолжатель традиций селевкидской монархической государственности. В середине 20-х гг. I в. до н.э. Август основал в Сирии колонии римских ветеранов — Берит и Гелкополь, что послужило созданию определенной социальной базы императорской власти и укреплению зависимости местных правителей, провозглашенных патронами колоний, от Рима.

Глава четвертая

Экономический строй сирийского общества эпохи принципата

I. Земельные отношения

Проблема земельных отношений на территории императорской Сирии I—III вв. до сих пор не ставилась в полном объеме ни в советской, ни в зарубежной историографии. Обычно указывают на существование в Сирии крупного (в том числе императорского) землевладения, а также арендных отношений¹. Единственная попытка классификации сирийского земельного фонда интересующего нас времени принадлежит, насколько нам известно, перу Ф.Хайхельхайма², который применяя к Сирии периода принципата критерии, разработанные М.И.Рос-

¹ М. Rostovtzeff . The social and economic history , pp. 244—247. А.Б.Ранович. Восточные провинции, стр. 145—146.

² F. Heichelheim. Roman Syria, p. 145.

товцевым для селевкидского времени, выделял земли клеру-хов, ветеранов, эпитафические, храмовые, императорские, а также владения полисов.

Являясь важнейшей и наиболее стойкой политико-административной единицей сирийского общества I-III вв. н.э., полис осуществлял свою власть, как правило, над более или менее обширной территорией за городской стеной. Обладание подобной территорией может быть отмечено и для городов, имевших ярко выраженные торговые интересы, в том числе и в сфере морской торговли. В пределах полисной округи находились земледельческие поселения.

Анализ пальмирских надгробий, содержащих упоминания о различных имущественных сделках, объектами которых могли стать погребальные сооружения, позволяет представить себе и особенности земельных отношений на территории Пальмиры, поскольку их правовой статус, как показывают библейские параллели, был однотипен статусу земельных владений. Этот анализ показывает, что пальмирское право знало два типа сделок: включение в коллектив собственников (принятие в товарищество) и передачу в полную собственность. Постепенно, уже ко II в. н.э., разница между обоими типами сделок стирается, а коллективная собственность перестает существовать. Документы об отчуждении погребений составлялись по образцу документов о купле-продаже земли, формуляр которых был общим для всех территорий Передней Азии, о чем свидетельствует сопоставление с документами из окрестностей Мертвого моря. Терминология сделок о передаче в полную собственность, как показывает сравнение с элевантинскими папирусами, восходит к ахеменидскому времени.

Документы о земельных отношениях в Дуре-Европос позволяют выделить здесь три группы земель: "хору", эпитафические земли и клеры. То обстоятельство, что земли всех названных категорий могли служить объектами купли-продажи, и к тому же без каких-либо оговорок и ограничений, показывает, что их правовой статус в I-III вв. н.э. был уже однотипен. Домедшими до нас документами засвидетельствована продажа земли с правом последующего выкупа, а также продажа

без каких-либо оговорок. Документы последней группы близки по содержанию к аналогичным актам из Вади Мурабба⁵; они составлялись по наиболее распространенному в греческой документации типу: "купил Б. у А."

В Антиохии интересующего нас времени наблюдается сосредоточение в руках отдельных лиц множества мелких и средних участков.

Весь приведенный здесь материал позволяет утверждать, что на территории сирийских полисов I-III вв. господствовала частная собственность на землю. Земельные фонды являлись объектом купли-продажи, что приводило к обезземелению разорвавшихся землевладельцев и концентрации земель в руках сравнительно незначительного числа крупных собственников, среди которых были и римские ветераны.

На императорских землях, как показывает археологический материал, обнаруженный Ж.Чаленко³, существовали виллы, возникшие в результате раздач этих земель ветеранам, чиновникам и т.п. Имелись здесь и крестьянские поселения, в которых одна группа земель находилась в коллективной, а другая — в частной собственности. Надписи, происходящие из данных территорий, позволяют выявить тенденцию к расхищению общинных земель, против чего общины принимают необходимые меры.

Мы не располагаем пока материалами, которые позволили бы сколько-нибудь обоснованно судить о характере и объеме правомочий, которыми император обладал на императорских землях. Во всяком случае, до нас не дошли материалы, которые говорили бы об осуществлении им над землями, принадлежавшими частным лицам, прав собственника. Ничто не препятствует предположению (а наличие прекрасно отделанных вилл его косвенно подтверждает), что имело место постепенное исчезновение собственнических прав верховного владки.

Нет сведений также и о характере взаимоотношений между крестьянами и крупными землевладельцами в тех случаях, когда наблюдается соседство крестьянского поселения

³ G.Tchalenko. Villages antiques de la Syrie du Nord. Vol. I-III, Paris, 1953-1958.

с villой. Вряд ли, однако, можно сомневаться в том, что, выделяясь своим богатством, в том числе и размерами принадлежавшей им земли, хозяева villи пользовались бесспорным влиянием и могли найти способы эксплуатировать своих соседей.

В качестве крупных землевладельцев выступают и храмы, концентрировавшие вклады от частных лиц, владевшие поселениями, эксплуатировавшие "обязанных", в том числе и в сфере землепользования.

На территории Nabateyского царства анализ надгробных надписей также косвенно свидетельствует о существовании частной собственности на землю. Nabateyскому праву были знакомы следующие виды имущественных сделок: продажа, дарение, сдача внаем, предоставление во временное пользование и заклад. Документы из архива Babaty свидетельствуют о закладе, купле-продаже и дарении земли, а также о ее концентрации. Они свидетельствуют также, что определенные группы земель (в данном случае — плантация финиковых пальм) находились в собственности царя.

2. Ремесло

Археологический материал и письменная традиция свидетельствуют о широком распространении в Сирии разнообразных ремесел — керамики, ткачества, изготовления одежды и обуви, обработки металла, строительства, скульптуры. Крупными центрами ремесла являлись города финикийского побережья (источники особенно отмечают Сидон): здесь были развиты строительное дело и судостроение, обработка шелка, изготовление полотна и обуви, производство пурпура и пурпурных тканей, а также стекла и стеклянной посуды. Ареал распространения финикийских тканей — вся средиземноморская ойкумена, в том числе и Северное Причерноморье; производство носило здесь ярко выраженный товарный характер. Крупным центром ремесленного производства был Дамаск; особой известностью пользовались "арабские или дамасские" ковры. В Пальмире засвидетельствованы рыночные сапожные мастерские, изготовление портретных статуй, обработка золота

и серебра, керамическое производство. Многочисленные строители и целые строительные династии имелись в крупнейших центрах Nabateyского царства; при раскопках Овоты найдена мастерская горшечника. Значительное место занимало ремесленное производство и в сирийских городах греческого происхождения, и в колониях римских ветеранов. Важным центром ткацкого производства была Лаодикея; здесь изготовлялось полотно, обрабатывались шелк и шерсть; отсюда вывозились различные виды одежды — плащи, далматик и тунки. Многочисленные ремесленные мастерские, в том числе и стеклодувные, имелись в Дуре-Европос. В Берице изготовлялось полотно, имела и обработка металла.

Занятие ремеслом, судя по имеющимся данным, рассматривалось в Сирии как признак сравнительно низкого социального положения, а обращение к ремеслу как к источнику средств существования — как проявление социальной деградации. Существовало и представление о ремеслах, занятие которыми вообще недостойно свободного человека. Имелись случаи, когда ремесло передавалось по наследству от отца к сыну. Одну из групп рабочей силы составляли ученики.

В сирийских городах имелись коллегии ремесленников (в Пальмире известны коллегии золотых и серебряных дел мастеров, в Герасе — полотнянщиков и горшечников, в Сидоне — плотников; несомненно, существовали и другие), организованные по образцу сакральных коллегий.

3. Торговля

I—III вв. н.э. были временем дальнейшего развития сирийской торговли, прежде всего, в бассейне Средиземного моря и прилегающих к нему районах. Наряду с экспортом продукции местного ремесла и сельского хозяйства должна была процветать и транзитная торговля, в особенности китайским шелком и благовониями из Южной Аравии. Это развитие привело к переселению многочисленных сирийцев на запад, в том числе в Афины и на острова Архипелага. Тесные контакты поддерживала Сирия с Италией, в особенности (I—II вв. н.э.)

через Путеолы. Для широко распространенного представления об упадке во II в. н.э. торгового значения Путеол нет, по нашему мнению, достаточных оснований. В первые века нашей эры эллинизированные сирийцы жили и в крупнейших торговых центрах Испании, а также на юге Галлии; встречались сирийцы и на Рейне.

Восточные торговые пути сирийцев вели в Двуречье. Наиболее известна здесь организация торговли в Пальмире. Основными объектами ее транзитной торговли были рабы, пурпурная шерсть, миро, масло, зерно, вино, жир, соленая рыба, скот; товары перевозились караванами верблюдов и ослов. Надежно устанавливаются торговые связи Пальмиры со Спасиновым Хараксом, Вологесией, Форатом и Геннаем; в Спасиновом Хараксе, Вологесии и Геннае существовали, по-видимому, пальмирские колонии. Пальмирская торговая экспансия активно содействовала и римскому проникновению в Месопотамию; обращает на себя внимание в этой связи создание святилища Августов в Вологесии. Видимо, пальмирские купцы участвовали и в морской торговле с Северным Причерноморьем. Караван купцов принимал по различным поводам самостоятельные решения, в том числе при выборах каравановождатого, установлении связей с лицом, оказывающим услуги каравану, и т.д. Караваны имели общие средства, складывавшиеся из взносов участников; лишь в исключительных случаях одно какое-то лицо брало на себя денежные издержки. Круг деятельности каравановождатого точно не определен; видимо, он выполнял в коллективе распорядительные и командные функции, однако имеющий хождение в научно-исследовательской литературе образ самовластного "царя-караванщика" едва ли соответствует действительности. Обычно труд каравановождатого оплачивался. В Пальмире имелись люди, профессионально занимавшиеся вождением караванов; активное участие в снаряжении и финансировании караванов принимали местные пальмирские аристократы, причем отдельные представители аристократических семей выступали и в роли каравановождатых. Представители подобных семей должны были пользоваться заметным влиянием в пальмирском обществе, однако сведениями об их политической карьере мы не располагаем.

Значительные торговые связи Пальмиры поддерживала через Дура-Европос, где имелся и храм пальмирских богов, построенный, вероятно, в первой половине I в. н.э., и в течение длительного времени находился отряд пальмирских лучников. Развита в Дура-Европос была и местная торговля. Эпиграфические и археологические материалы, происходящие из этого города, позволяют говорить об обогащении купцов и, возможно, о концентрации торгового капитала в течение интересующего нас времени.

Южные торговые пути сирийцев вели на юг Аравийского полуострова. Одним из ведущих центров здесь была Гераца. До IО6 г. н.э., однако, на этих путях господствовала Петра; плавания вдоль аравийского побережья Красного моря набатейские купцы совершали, пользуясь гаванью Левке Коме, где начальник набатейского гарнизона взимал в пользу своего царя взвозную пошлину (0,25 товара). После образования провинции Аравии господство на торговых путях перешло непосредственно в руки римских купцов; военные и торговые пути были проведены в обход Петры.

Важными центрами регулярной ярмарочной торговли были храмы, в том числе в Батокеке.

Глава пятая

Социальная структура сирийского общества

I. Рабы в Сирии I-III вв. н.э.

В изучаемый период Сирия, насколько об этом можно судить, перестала играть роль поставщика рабов; однако рабы продолжали оставаться здесь объектом собственности и актов купли-продажи.

В таком качестве они выступают, в частности, в документах из Пальмиры, прежде всего, в пошлинном тарифе, где особо выделены, наряду с другими, "рабы-ветераны". Особое место в пальмирских надписях занимают "сына дома" — домоладцы, зависевшие от домовладыки, среди которых, очевидно, имелись и рабы. Упоминаются в пальмирских надписях и волюнотпущенники, обычно с указанием имени прежнего владельца.

В документах из Дура-Европос рабы — также объект сделок купли-продажи, актов дарения, передачи имущества в возмещение долга. Наряду с рабством в собственном смысле слова здесь засвидетельствовано "временное рабство" — выполнение формально свободным должником в пользу займодателя "рабской работы" вместо уплаты процентов по займу впредь до возвращения долга.

Наличие рабов подтверждается и документами и материалами, относящимися к другим местностям Сирии. Однако мы наблюдаем здесь рабов не только в качестве объекта собственности. Они распоряжаются значительными средствами, в том числе воздвигают надгробные надписи, совершают посвящения, наследуют имущество своего сотоварища по рабству, могут (по представлениям римских юристов) вести сложные деловые операции по кредитованию торговли с выплатой кредита в Риме.

Таким образом, в Сирии I—III вв. н.э. не только было распространено рабство, но и имел место процесс закабаления разорявшихся свободных мелких производителей. При этом формальная грань между рабами и свободными сохранялась, однако фактические различия между теми и другими стирались. В то же время, оставаясь собственностью своих господ, рабы могли располагать денежными средствами, распоряжаться ими по своему усмотрению. И в этой ситуации фактические различия между рабами и свободными предпринимателями уже теряют свое значение.

Вольноотпущенничество, судя по обязательному упоминанию господина в соответствующих надписях, не влекло за собой полного освобождения от его власти. Вероятным кажется существование обязательств типа парамоне со стороны освобожденного раба по отношению к манумиссору.

2. Свободное население Сирии в I—III вв. н.э.

Наиболее полный и разносторонний материал о положении свободных в Сирии I—III вв. дают источники, происходящие из Пальмиры, Дура-Европос и Герасы.

В Пальмире вплоть до гибели города сохранялись, как показывают многочисленные родословия, устойчивые родовые связи и традиции. Экономически самостоятельные семьи возглавлялись домовладыкой — мужчиной; не исключено, что в ряде случаев несколько братьев возглавляли неразделившуюся семью. Имущественную основу пальмирской аристократии составляли посредническая торговля и, видимо, землевладение. Среди ее представителей, судя по сведениям о затратах на нужды города, посвящениях и т.п., встречались люди, располагавшие значительными денежными средствами. Значительную роль в жизни пальмирского общества должны были играть римские граждане, в том числе ветераны местного происхождения. Основную массу свободного населения Пальмиры составляли, насколько об этом можно судить, мелкие собственники, производители и предприниматели.

Сравнительно рано, вероятно уже в I в. н.э., представители низших слоев начали попадать в зависимость от городской верхушки, и на территории Пальмиры возникла клиентела, выражавшаяся в форме соседского покровительства, "дружбы", сопряженной с оказанием "благодеяний". В III в. мы видим среди клиентов представителей знатных родов, занимавших или занимающих видное место в жизни общества. Судьба пальмирского рода Септимиев, потомков Цепперы, показывает эволюцию таких родов, их упадок и в дальнейшем возвращение "наверх" уже в роли клиентов могущественного вельможи. Наряду с этим наблюдается (на примере Септимия Ворода) и другой факт — при поддержке местных правителей в верхние круги пальмирского общества проникали выходцы из социальных низов, оттеснявшие на задний план представителей старинных родов.

В Дура-Европос наблюдается имущественная самостоятельность и, соответственно, право- и дееспособность женщины, состоящей в браке. Закон о наследовании при отсутствии завещания, происходящий из Дура-Европос, показывает возможность выделения сына из семьи и образования самостоятельной его семьи; принадлежность к одной родственной группе, согласно этому документу, ограничивается происхож-

дением от одного отца и родством в пределах двородного, что возможно только при более или менее полном распаде родовых связей. Не случайно в надписях из Дура-Европос перечисление предков не простирается, как правило далее третьего колена. Женщины в Дура-Европос, судя по этому закону, сохраняли и при замужестве родственные связи с домом своего отца и вытекавшие из них имущественные права.

Несмотря на их крайнюю скудость и отрывочность, надписи и документы из Дура-Европос позволяют составить некоторое представление о высшем слое местного общества, выходцы из которого совершали, располагая значительными имущественными ценностями, дорогостоящие посвящения. Иногда наблюдается разорение, а затем восстановление имущественного положения отдельных семей. Как показывают документы, к началу III в., во всяком случае, в среде крупных землевладельцев из Дура-Европос внедряются римские ветераны. Документы о займах и "временном рабстве" формально свободных свидетельствуют о разорении мелких собственников.

Надписи из Герасы также позволяют установить существование в этом городе крупной денежной аристократии, экономическую основу которой составляли землевладение и торговля. Ее пожертвования и посвящения оцениваются в тысячи и десятки тысяч драхм; к ней уже в I в. н.э. принадлежали и римские ветераны местного происхождения.

Весь перечисленный материал позволяет констатировать наличие в сирийских городах I-III вв. следующих основных групп свободного населения: торгово-землевладельческой аристократии, средних и мелких собственников; при этом в качестве характерной тенденции, хотя по дошедшим до нас материалам она прослеживается с трудом, наблюдается разорение и закабаление последних, а также возникновение системы патроната, которая выросла из отношений соседской взаимопомощи, "дружбы", "благодетелей" и т.п. Отрывочные сведения, относящиеся к другим пунктам, подтверждают этот вывод.

3. Римские граждане в Сирии I-III вв. н.э.

Как можно видеть из того, что говорилось выше, начиная с I в. н.э., значительную роль в жизни Сирии играли римские граждане, в особенности, ветераны.

Надписи из Гелиополя позволяют составить известное представление о колонии ветеранов, социальная структура которой, в общем не отличалась от социальной структуры других городов. Мы видим здесь рабов, в том числе и совершающих жертвоприношения на свои средства, и вольноотпущенников, сохраняющих, по римской традиции, прочные связи со своими патронами, и лиц, занимавших видное место в обществе, иногда — проделавших головокружительную военно-административную карьеру, и рядовых свободных — мелких арендаторов, владельцев ремесленных мастерских и т.п.

В собственно сирийских полисах римские граждане, прежде всего, ветераны, входили в состав местной знати. Положение клиентов императорского дома (отсюда принятие при получении гражданства родового имени императора), переход в сферу управляющих, изъятие из-под юрисдикции местных органов власти создавали для них особо привилегированное положение и, в то же время, делали их прямой опорой императорской власти в городах. Завершил процесс постепенного распространения римского гражданства эдикт Каракаллы, который, каковы бы ни были побуждения этого императора, расширил до максимально возможных пределов социальный фундамент императорской власти, хотя и не уничтожил местного гражданства.

Глава шестая

Сирийский город: гражданский коллектив и административное устройство

Сведения о свободном населении сирийских городов отрывочны, однако, по данным ценза Квирина, в Апамее насчитывалось 117 тыс. граждан, что дает известное представление о среднем сирийском городе. Еще в I в. н.э. многие сирийские полисы продолжали оставаться замкнутыми граждан-

скими коллективами, доступ в которые был чрезвычайно затруднен; принадлежность к нему в ряде текстов особо подчеркивается. Даже в III в. н.э. римские власти принимают меры, чтобы не допускать проникновения в эту среду извне насильственным путем. Известны случаи, когда одно и то же лицо было гражданином нескольких полисов. Существенно, что по представлениям, распространенным еще в I в. н.э., быть гражданином значило не только жить в городе, но и активно выполнять свои гражданские обязанности, в том числе участвовать в управлении.

Гражданский коллектив делился в административном отношении на филы, а последние в свою очередь на дэмы; эта система проникла и в некоторые города собственно сирийского происхождения (Эдесса, Пальмира; однако на территории последней еще во II в. н.э. сохранялись кровнородственные родоплеменные объединения). Общины чужеземцев (и, в частности, иудейские, о которых мы располагаем наиболее подробной информацией) конституировались как замкнутые коллективы с общим культом и административной организацией, приближающейся по типу к полисной; правда, в Антиохии иудеи, по-видимому, пользовались и правом местного гражданства.

Административное устройство сирийских полисов было, в общем, однотипным. Мы наблюдаем здесь функционирование совета, пополнявшегося путем кооптации, с проедром и грамматовском во главе, а также народного собрания, и одинаковую в основных чертах систему магистратур: архонты или стратеги, энимелеты или епископы, аргиротамии, агораномы, керотамии, синдики, декапроты. Эта организация, несмотря на свой внешне эллинистический облик, продолжала традиции не только собственно греческие, но и местные, доэллинистические; по существу же она была орудием господства аристократии; показательно, что иногда власть сосредоточивается в руках немногих семей. Она обеспечивала и выполнение имперских повинностей, лояльность города по отношению к римским или парфянским (если город попадал под власть Парфии) властям. Представители правящей верхушки стремились, как правило, проделать полисную карьеру, хо-

тя и наблюдались, по-видимому, случаи абсентеизма, но закрепить при этом наиболее "неприятные" обязанности, связанные с выполнением повинностей, за одним и тем же лицом на возможно более длительный срок.

Глава седьмая

Политический статус сирийских обществ в I-III вв. н.э.

В современной историографии период I-III вв. рассматривается как время расцвета в рамках Империи городского строя¹, причем особо подчеркивается, что императоры всячески способствовали укреплению и развитию на Востоке эллинистической полисной организации². Одновременно говорится и о том, что римские власти подавляли свободу и самостоятельность эллинистических городов, подчиняя их грубому и унижительному диктату³. Возникает, однако, вопрос, насколько близко это положение к ситуации, существовавшей в Сирии в I-III вв. н.э.

Во времена римского господства Сирия не была политически однородным целым; наряду с собственно провинцией здесь имелся целый ряд государственных образований, которые, находясь в зависимости от Империи, не входили, тем не менее, в состав провинции и сохраняли многочисленные атрибуты политической самостоятельности (царства, тетрархии и т.п.). На территориях, которые находились под

¹ М. Rostovtzeff, *The social and economic history of the Roman Empire*, Oxford, 1926, p.49; С.И.Ковалев, *История Рима*, Л., 1948, стр. 598-604; J.Gagé *Les classes sociales dans l'Empire Romain*, Paris, 1964, pp. 153-156; H.Bengtson, *Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde*. Bd. I, München, 1967, s.305.

² J.Gagé, *Les classes*, p.160; G.W.Bowersock, *Augustus and the Greek world*, Oxford, 1965, pp.85-100; P.Petit, *La paix romaine*, Paris, 1967, pp.152-153.

³ А.Б.Ранович, *Восточные провинции Римской империи в I-III вв. н.э.*, М.-Л., 1949.

непосредственным контролем римской администрации и образовывали провинцию в собственном смысле слова, мы также видим общества с различным статусом: колонии, союзные города, податные города. Для политики римских властей в Сирии характерно весьма широкое предоставление местным городам привилегированного положения.

Наиболее полно и разнообразно источники позволяют проследить положение в составе Империи такого центра, как Пальмира. Уже во второй половине I в. до н.э. она находилась под властью Рима; в конце 50-40 гг. после вторжения в Сирию парфян она приобрела на некоторое время политическую независимость, но после похода Антония римское государство было восстановлено. Римские власти активно вмешивались в дела города, устанавливая границы его территории, диктуя направление финансовой политики. После того, как в 129 г. н.э. Пальмиру посетил Адриан, она была повторно "основана" и получила название Адриана (вариант: Адрианополис); обычно предполагают, что она получила при этом статус *civitas libera et immunitas*, что весьма вероятно. Пошлинный тариф, составленный в 137 г. н.э., показывает, что в I в. н.э. Пальмира, по-видимому, уже считалась союзницей Рима, хотя римские власти и проводили в этот период политику, направленную на ограничение суверенных прав своего союзника. После пребывания в городе Адриана фактическая компетенция пальмирских властей (установление пошлин и т.п.) расширилась. Однако даже в конце II в. римские власти вместе с городскими назначают стратега, "ведавшего миром" в городе, т.е. облеченного полицейскими функциями. Важным этапом в истории города было получение италийского права (это событие точно не датируется).

Антиохии уже Помпей предоставил автономию, подтвердив ее статус, существовавший до римского завоевания; Цезарь провозгласил ее "свободу". Во времена римского господства она сохраняла собственное законодательство. За поддержку Песценния Нигера Север лишил Антиохию статуса полиса и в качестве "поселения" подчинил Каракалле. Од-

нако от Каракаллы Антиохия получила статус колонии без податного иммунитета, а в царствование Гелиогабала стала и метроколонией.

Тир со времени установления римского господства считался союзником Рима, сохранив свою "свободу". Уже в царствование Клавдия он получил какие-то привилегии и имя этого императора; Адриан предоставил ему титул метрополии, а Север — италийское право, подтвержденное Каракаллой.

Сидон был колонией и метрополией от правления Гелиогабала до царствования Севера Александра. Статус колонии италийского права имели Лаодикея (получила его от Севера, видимо, в награду за сопротивление Песценнию Нигеру; до этого еще при Антонии она стала *civitas libera et immunitas*) и после формального присоединения к Империи Эмесса. Начиная с царствования Августа метрополией и колонией был Дамаск. Петра в начале II в. носила титул метрополии; при Адриане она была, как и Пальмира, повторно им "основана", получив название Адриана, а при Гелиогабале стала метроколонией.

Ряд сирийских городов получили право чеканить собственную монету.

В своих обращениях к городам римляне пользовались традициями греческой канцелярии.

Устанавливая привилегированный статус крупнейших сирийских городов римляне, несомненно, рассчитывали создать социальную опору своей власти, тем более, что этот статус не был фиктивным, но предоставлял налоговый и повинностный иммунитет, а также освобождение от постоянной опеки римских властей.

Основная масса населения Сирии подлежала различным видам налогообложения в пользу Империи (поземельная, подушная подати; последней подлежали мужчины с 14 и женщины с 12 лет); налоги, взимаемые в Сирии, считались исключительно высокими. Из повинностей известна транспортная. Дела по неуплате податей рассматривались римскими властями, однако ответственность за их поступление, а также за выполнение повинностей возлагалась на полисные власти.

Цена жителей провинции происходил в городе, к которому они были приписаны.

Будучи кровно заинтересованными в поступлении податей, римские власти активно вмешивались во внутреннюю жизнь городов, в особенности, финансовые и имущественные дела, деятельность советов и т.п. Куратор города мог приостановить действие тех или иных постановлений. В связи с этим, сохраняя внешние признаки формального суверенитета, города фактически его лишались, а их органы власти превращались в неотъемлемую часть общеимперской системы управления.

Свое внешнее выражение верховная власть Рима получала и в сборе *portoria* — торговых пошлин в пользу императорской казны.

В целом можно констатировать, что в Сирии I—III вв. продолжала существовать система двойного суверенитета. Суверенную власть в пределах гражданского коллектива осуществлял, во-первых, он сам и, во-вторых, император через своих чиновников и должностных лиц. Однако суверенитет императора был высшим, т.к. именно император определял статус гражданского коллектива и пределы его самостоятельности. Развитие императорской власти в пределах провинции имело тенденцию к ограничению полисного суверенитета, хотя одновременно наблюдается и противоположное явление — предоставление, по крайней мере, важнейшим городам, привилегированного положения и, соответственно, большей или меньшей самостоятельности.

Наряду с полисами, в Сирии I—III вв. существовали поселения — комы как на полисных, так и на внеполисных землях. Здесь имелись, как и в полисах, народные собрания и советы, а также определенная, хотя и менее развитая, чем в полисах, система магистратур; соответственно преобразование комы в полис не требовало сколько-нибудь сложных административных реформ. История Антиохии, которая на короткое время утратила статус полиса и в качестве комы была присоединена к Лаодикее, показывает, что разница между теми и другими определялась в конечном счете наличием или отсутствием полисного суверенитета. Очевидно, в пределах

полисной округи поселения были подчинены суверенной власти полиса, а на императорских землях — императора.

Формально независимые от Рима политические образования на территории Сирии, в том числе Nabateyskoe царство, Kommagena, Itureya продолжали традиции эллинистической государственности, однако политика римских властей по отношению к ним определялась теми же принципами, что и политика Рима по отношению к городам. Формальный союз перерастал в фактическое верховенство, носившее характер римского суверенитета (условно употребляя здесь этот термин); наблюдается тенденция к ликвидации местной царской администрации и установлению непосредственного контроля римских властей.

Глава восьмая

Социальная и политическая борьба в Сирии в период кризиса второй половины II — III вв. н.э.

Экономическое развитие Сирии и соответствующие изменения социальной структуры населения этой страны в период принципата имели своим последствием возникновение глубоких противоречий между отдельными социальными слоями сирийского общества. Можно постулировать конфликт между зажиточной торгово-ремесленной и землевладельческой верхушкой и разоряющейся, закабаляемой беднотой. Противоречие между рабами и свободными усугублялось тем, что имущественное положение раба, в той или иной форме владевшего и самостоятельно распоряжавшегося значительными ценностями, его активное участие в экономической жизни противоречило формальному рабскому статусу. В среде юридически свободных углублялась социальная дифференциация; отчуждаемость и свободное обращение земельных фондов вели к разорению одних и обогащению других; возникает зависимость, не связанная с утратой личной свободы. Отсюда — "легкомыслие" и бунтарство сирийцев, отмечаемые в источниках.

Все эти обстоятельства создали естественную предпосылку для распространения в Сирии религиозно-этических

учений, в той или иной форме проповедовавших борьбу со злом и конечную победу добра (христианство, митраизм), а также возникновению концепций идеального государственно-го устройства, при которых социальные конфликты были бы ликвидированы. При этом выявляются две программы: "низов" и городской и имперской знати. Первые ожидали ликвидации социальной несправедливости, установления царства добра, равенства и всеобщего благополучия — либо вследствие явления в мир божественного спасителя и создания царства божьего, либо в результате прихода к власти императора, отстаивающего интересы народа. Вторые добивались сохранения существующего миропорядка с помощью проповеди нравственного совершенствования личности и ее приспособления к определенному высшими силами устройству вселенной, а также путем создания сильной государственной власти, способной подавить движения "черни" и обеспечить необходимую стабильность (либо сочетание умеренной и подчиняющейся закону императорской власти с сильными и пользующимися далеко идущей самостоятельностью полисами; либо власть императора вместе с сенатом; либо неограниченная абсолютная императорская власть).

Во второй половине II — первой половине III вв. н.э. общественно-политическая борьба в Сирии носила характер выступлений в поддержку претендентов на императорскую власть (в частности, очень значительными по размаху были движения в поддержку Авидия Кассия и Песценния Нигера, за которыми шли и полисная верхушка, и "средние" слои, и — вследствие социальной демагогии — "низы" общества). Если оставить в стороне борьбу между отдельными городами и претендентами, в политическом развитии Сирии второй половины II — первой половины III вв. можно наблюдать следующую определяющую тенденцию: городская аристократия и идущие за нею "средние" слои и "низы" стремятся к сохранению и укреплению полисной организации в рамках Империи и под властью "хорошего" императора, рассчитывая при этом первые — на сохранение и обеспечение своего господствующего положения, а вторые — на избавление от нужды и эксплуатации в тех

благоприятных условиях, которые создадут городские власти и "добрый" император.

В 30–40 гг. в Сирии наблюдаются солдатские бунты.

В середине III в. н.э. в политической жизни Сирии и всего Ближнего Востока все более активную роль начинает играть Пальмира, где на гребне острых, по-видимому, классовых столкновений к власти пришла династия Одената-Зенобии, установившая, опираясь на вооруженную силу и разветвленную клиентелу, свою диктатуру и создавшая в конце концов режим единоличной власти, в котором признаки римской императорской власти сочетались с признаками иранской царской власти. О силах, на которые опиралась Зенобия, можно судить по тому, что ее поддерживал Павел Самосатский, покровительствовавший (или делавший вид, что покровительствует) бедноте. Имелись (в частности, в Антиохии) и люди, обладающие определенными экономическими интересами в Пальмире. Были, однако, и противники Пальмиры, заинтересованные в восстановлении первенства Антиохии. В целом история возвышения и гибели Пальмирского царства обнаружила резкий перелом в политическом развитии Сирии и изменение тех целей, которые ставили перед собой (или достижения которых стихийно добивались) социальные силы, определявшие направление общественного развития Сирии во второй половине III в. н.э. Они теперь стремились к монархии сасанидского образца, отказываясь, по существу, от традиций Антонинов. Причиной этого была и очевидная слабость центральной власти, которая, особенно в условиях непрерывных военных переворотов, делала Сирию легкой добычей иранских захватчиков, и — главным образом — обострившаяся угроза выступлений городской бедноты и "средних" слоев против местной знати.

З а к л ю ч е н и е

Сирийское общество в I–III вв. н.э.

Те симптомы кризиса, которые Е.М.Штаерман указала в своей монографии для западных провинций Империи, в общем, наблюдаются и в Сирии интересующего нас времени: разорение городских землевладельцев и концентрация земли в ру-

ках крупных собственников как на полисных, так и на императорских землях; развитие вольноотпущенничества и закабаление свободных; изменение положения рабов в хозяйственной жизни общества; развитие крупного, хотя, в отличие от Запада, по-видимому, и не латифундиального землевладения на императорских землях. Очевидно, как и на Западе, в Сирии на этих землях складывается население, так или иначе зависевшее от крупного собственника, однако дошедшая до нас информация пока не позволяет решить вопрос о характере взаимоотношений между ними. Тем не менее, в нашем распоряжении нет материала, который бы свидетельствовал о падении производительности труда или его эффективности; нет данных и об обострении противоречий между крупными собственниками на полисных и императорских землях. Нет пока данных и для того, чтобы постулировать стирание границ между гражданами и негражданами и отмирание полисных связей, хотя развитие товарного производства, укрепление экономических связей, участие неграждан в деловой жизни подрывали экономические основы полисной организации. Социально-экономическое развитие Сирии в I-III вв. привело к углублению классовых противоречий между угнетенными с одной стороны и полисной аристократией и крупными землевладельцами на императорских землях с другой.

Итогом общественной и политической борьбы в Сирии в период кризиса второй половины II-III вв. было создание самодержавно-монархического режима, который казался единственной силой, способной ликвидировать движение "черни", и постепенный, более или менее определенный отказ от традиций полисного суверенитета.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. К характеристике набатейского частного права по эпиграфическим данным, Палестинский сборник, вып. II, 1964.

2. Социальная терминология в языке палмирских надписей, Семитские языки, вып. 2, 1965. ч. I.

3. Имущественные и земельные отношения в Пальмире в I-III вв. н.э. по эпиграфическим данным, Палестинский сборник, вып. I3, 1965.

4. Социальная структура палмирского общества в I-III вв. н.э., Письменные памятники и проблемы культуры народов Востока, Л., 1966.

5. Царские и полисные земли в эллинистическо-римской Сирии, Палестинский сборник, вып. I5, 1966.

6. Историческая преемственность в социально-экономической истории эллинистическо-римской Сирии, Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, Л., 1967.

7. Рабы в документах из Дур-Европос, сб. "Античное общество", М., 1967.

8. Социальная стратификация сирийского общества эллинистическо-римского времени. Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности, М., 1968. (Изложение доклада см.: ВДИ, 1969, № 2, стр. I70-I7I).

9. Организация караванной торговли в Сирии I-III вв. н.э. и проблема караванных городов, Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока, Л., 1968.

10. Рец. на: W. Selb, Zur Bedeutung des syrisch-römischen Rechtsbuches, Deutsche Literaturzeitung, Bd. 89, 1968, № 5.

11. "Царские люди" в эллинистической Сирии и Малой Азии, Палестинский сборник, вып. I9, 1969.

12. Город и торговля в Сирии эллинистического и римского периодов, Тезисы докладов всесоюзного симпозиума "Город и торговля Древнего Востока III - I тыс. до н.э.", Ереван, 1969.

13. Сирия, Советская историческая энциклопедия, т. I2, 1969.

14. Социально-правовые группы в сирийском обществе эллинистическо-римского времени, ВДИ, 1971, № 2.

Находятся в печати:

15. Палмирские Септимии потомки Цепперы (из истории общественных отношений в Пальмире конца II - первой половины III вв. н.э.), Эпиграфика Востока, XX, 1971.

16. Ремесло и его организация в сирийских обществах эллинистическо-римского времени, "Древний Восток" (сборник статей в честь проф. М.Д.Коростовцева).

17. Город и торговля в Сирии эллинистического и римского периодов, "Город и торговля Древнего Востока", Ереван.

Подписано к печати 4/УШ-1971 г.
Т-12197 Объем 2,25 п.л. Тир. 200 Зак 383
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2